

Когда прибыл старейшина Фу, Чан Я и Цэнь Сяолу прекратили спор. Гроб еще не успели заколотить, и старик смог в последний раз взглянуть на Лу Цифэна. Старый друг ушел; всю горечь утраты теперь оставалось лишь спрятать в глубине сердца. Со временем эта боль утихнет, сотрется, и тогда страдания наконец отступят.

По воле старейшины Фу Лу Цифэна похоронили на склоне пика Ци, в благодатном месте за Ифэйло. Несколько скупых строк на надгробии описывали его недолгую жизнь. Чан Я и Цэнь Сяолу, следуя за старшим, один за другим возложили по три поминальных свечи.

Старейшина Фу горестно вздохнул:

— Время никого не ждет. В следующей жизни постарайся родиться под более счастливой звездой.

Старика проводил слуга-послушник. Кэ Мучжи, приехавший в их экипаже, отправился обратно в Сяшуй вместе с ними.

— Тебе в академию Минли или куда-то еще? — спросил Сяолу.

— В академию, — отозвался Мучжи. Он выглядел изможденным и совершенно поникшим. — Мне нужно поговорить со старейшиной Фу.

— Хорошо.

Когда они доставили Кэ Мучжи к воротам и уже собирались прощаться, тот внезапно произнес:

— Я не верю, что Цифэн сам наложил на себя руки.

Чан Я и Цэнь Сяолу переглянулись.

— Мы во всем разберемся, — пообещал Сяолу.

Кэ Мучжи сложил руки в вежливом жесте:

— И куда вы теперь?

Чан Я не стал таиться:

— Мы слышали, что у молодой госпожи Шуй был жених, сын господина Чжана — Чжан Цзэ. Хотим встретиться с ним.

— Чжан Цзэ... — На лице Кэ Мучжи проступило явное презрение. — Если хотите застать его быстро, в поместье соваться не стоит. Проще всего найти его в «Весне в Саду Воробьев».

Как и говорил Кэ Мучжи, Чжан Цзэ целыми днями пропадал в веселых кварталах, предаваясь праздности. И вот теперь они стояли на пороге «Весны в Саду Воробьев».

Едва они вошли, девицы посыпались на них со всех сторон, окружив плотным кольцом. В нос ударил густой аромат пудры и румян — у Чан Я в мгновение ока полыхнули уши. Совсем недавно он наотрез отказывался вести сюда Сяолу, и кто бы мог подумать, что теперь им придется переступить этот порог ради дела.

— Ох! Откуда к нам заглянули такие пригожие юноши? Лица совсем незнакомые, — одна из девиц прикрыла рот шелковым платком и залиристо рассмеялась. Ее подведенные глаза скользили по Чан Я и Цэнь Сяолу с таким алчным интересом, будто она собиралась раздеть их взглядом и тут же проглотить.

Чан Я сгорал от стыда, но изо всех сил старался сохранить невозмутимый вид перед Сяолу:

— Мы... мы здесь, чтобы найти человека.

Одна из девиц незаметно притерлась к Чан Я, коснувшись его локтя обнаженным плечом. Она бесцеремонно провела пальцами по его щеке и кокетливо протянула:

— Может, поищешь меня, сестрицу? С тебя я денег не возьму.

Чан Я не успел уклониться, и его лицо мгновенно залила краска.

— Я... я пришел не за... — заикаясь, начал он.

— Сестрицы, будьте милосердны, дайте нам пройти. Мы и вправду ищем кое-кого, — подал голос Цэнь Сяолу, выручая товарища. — Скажите, здесь ли сестра Люйнин?

При упоминании этого имени толпа заволновалась. Девицы, собиравшиеся было поиздеваться над зашедшими «воробушками», притихли. Люйнин была первой красавицей их заведения — неужели этот юнец знаком с ней?

— Сестра Люйнин вам не по зубам, — хмыкнула одна из красоток.

— Кто меня ищет? — Люйнин еще издали заметила переполох и подошла как раз в тот момент,

когда назвали ее имя.

— Сестра Люйнин.

Перед Сяолу предстала женщина исключительной стати. Облаченная в легкий, как туман, газ, она двигалась плавно, и жемчужные подвески в ее волосах отзывались мелодичным перезвоном. Тонкие брови были изящно подведены, а лицо лишь слегка тронуто белилами. При ее появлении остальные девицы почтительно расступились.

Цэнь Сяолу достал из-за пазухи женский платок с вышитым узором зеленого плюща и протянул его женщине.

— У меня есть просьба к сестре Люйнин. Можем ли мы поговорить с глазу на глаз?

Взглянув на платок, Люйнин переменялась в лице. Она пристально оглядела Цэнь Сяолу и медленно кивнула.

— Иди за мной.

Сяолу последовал за ней, оставив зал. Чан Я, всполошившись, дернулся было следом, но девицы тут же преградили ему путь.

— Позаботьтесь о молодом господине как следует, — долетел до него спокойный голос Люйнин.

Когда Цэнь Сяолу вернулся, его глазам предстала дивная картина: щеки Чан Я были щедро украшены алыми отпечатками губ, руки с обеих сторон цепко держали девицы, а третья, зажав пальцами сочную виноградину, пыталась накормить его. Несчастный Чан Я, красный как рак, вжимал голову в плечи и совершенно не знал, куда деть глаза.

«Просчитался», — подумал Сяолу. Он шагнул вперед, перехватил виноградину, отправил ее себе в рот и решительно вытянул Чан Я из этого цветника.

— Он еще мал, сестрицы, не мучайте его.

Чан Я, прячась за спиной Сяолу, в ярости стиснул зубы. «Мал»? Они же ровесники! Какое унижение. К тому же он явно недооценил таланты своего младшего брата — тот не только знал местную приму, но и ориентировался здесь подозрительно уверенно.

— Ну же, расходитесь, не то матушка придет и задаст вам трепку, — голос Люйнин подействовал мгновенно. Девицы наконец рассеялись.

— Идите за мной, — Люйнин провела их на второй этаж и остановилась у одной из дверей. — Чжан Цзэ внутри. Я велела Яньин выйти, так что можете входить.

— Благодарю, сестра Люйнин, — Сяолу поклонился ей.

Когда она ушла, Чан Я вцепился в рукав Сяолу и зашептал, меча искры глазами:

— Откуда ты знаешь сестру Люйнин? Ты что, бывал здесь втайне от меня? — Он так и буравил его взглядом. А тот платок? Наверняка какой-нибудь залог их любви!

— Мы с тобой неразлучны днями напролет. Если ты меня сюда не приведешь, как бы я попал? Не выдумывай, — отрезал Сяолу. — Идем быстрее, дело не терпит отлагательств.

Ловко уклонившись от расспросов, он толкнул дверь. Внутри, на разостланных постелях, валялся Чжан Цзэ. Рубаха распахнута, волосы в беспорядке, лицо горит пьяным румянцем, а взгляд мутный — видать, приложился к кувшину основательно.

Чан Я решительно подошел и пару раз потрянул его за плечо. Чжан Цзэ лишь недовольно пробормотал что-то и отмахнулся.

— Чжан Цзэ!

— А? — Тот с трудом разлепил веки, вглядываясь в Чан Я. Внезапно в нем проснулась неведомая сила: он рванулся вперед, обхватил Чан Я за шею и, перевернувшись, придавил его к кровати.

— Лапочка... дай поцелую... — Чжан Цзэ, обдавая его густым перегаром, полез губами к шее и принялся рвать одежду. Чан Я едва не задохнулся от вони. Прежде чем он успел опомниться, пьяница намертво сковал его руки и ноги, навалившись всем своим весом.

— Цэнь... Сяолу! — прохрипел Чан Я, задыхаясь.

Сяолу схватил Чжан Цзэ за шиворот и потянул на себя, пытаясь оттащить от товарища, но тот, несмотря на свой хлипкий вид, сопротивлялся с бешеной силой. Руки пьяницы уже шарили по груди Чан Я. Взгляд Сяолу потемнел. Он вцепился пальцами в волосы Чжан Цзэ, другой рукой резко рванул его за подбородок назад, и ребром ладони с силой обрушил удар на затылок. Чжан Цзэ рухнул на пол мешком и затих.

Чан Я, судорожно запахивая рубаху, сел. Глядя на распластанное тело, он робко спросил:

— Он хоть жив?

Цэнь Сяолу отвел взгляд и холодно бросил:

— Просто в обмороке. Ты как? — Его взор на мгновение задержался на шее Чан Я, где атели следы пьяных ласк.

— В порядке. Оплошал я, — Чан Я поправил ворот и взъерошил волосы.

Было ясно, что этот «хряк» очнется не скоро.

— И сколько нам ждать? — вздохнул Чан Я.

— Подождем, — Сяолу осмотрел комнату и подошел к окну. Он распахнул створки, впуская внутрь свежий воздух, чтобы выветрить липкий, дурманящий запах вина и благовоний.

Чан Я потирал предплечье — Чжан Цзэ вцепился в него так крепко, что наверняка останутся синяки. Делать было нечего, Сяолу молчал, и Чан Я принялся изучать убранство. Комнаты в «Весне в Саду Воробьев», разумеется, делились на разряды, и эта явно была из лучших. За ширмой скрывалось ложе, во внешней части стоял низкий столик, окруженный подушками для целой компании. У окна стояла кушетка, заваленная скинутыми одеждами. Повсюду висели тончайшие розовые занавеси, а в воздухе стоял приторно-сладкий аромат, туманящий разум.

Проходя мимо стола, Чан Я заметил легкую девичью сорочку, переброшенную через спинку кушетки так, что край касался пола. На ткани виднелись набросанные тушью цветы сливы и какие-то иероглифы. Любопытства ради Чан Я поднял одежду и присмотрелся — кто-то написал на шелке стихи. Пробежав их глазами, он нахмурился и негромко позвал:

— Цэнь Сяолу.

Тот вышел из-за ширмы:

— Что такое?

Чан Я протянул ему сорочку:

— Взгляни. Не тот же ли это почерк, что в предсмертной записке?

Сяолу взял ткань, и выражение его лица мгновенно изменилось. Он вытащил фальшивое письмо Лу Цифэна и сравнил.

— Почерк один в один.

Оба замолчали. Неужели это Чжан Цзэ написал ту записку? Значит, убийца Лу Цифэна...

— Погоди, — прервал тишину Чан Я. — На столе полно кубков, здесь наверняка была целая толпа. Нужно спросить тех, кто был в комнате.

— Яньин точно знает, — Сяолу вспомнил слова Люйнин о том, что Чжан Цзэ звал только одну девушку. — Пригляди за ним, а я найду сестру Люйнин. — Он взял сорочку со стихами и уже у двери обернулся: — Оставайся здесь, внутрь не заходи. Если что — зови.

Оставшись один, Чан Я не находил себе места. Он косился на бесчувственного Чжан Цзэ, и в голове не укладывалось: неужели это он?

Вскоре вернулся Сяолу. С вестью, которая не сулила ничего доброго.

— Эти стихи на одежде действительно написал Чжан Цзэ.

Едва он договорил, как из-за ширмы донесся грохот — это Чжан Цзэ, очнувшись, задел ногой подставку. Он сидел на полу, привалившись к кровати, и мучительно растирал виски.

— Вы кто такие?.. Кто вас пустил? — хрипло закричал он, увидев незнакомцев. — Где Яньин? А ну зовите ее сюда!

— Это тебе знакомо? — Цэнь Сяолу бросил фальшивое письмо прямо на колени Чжан Цзэ.

Они хотели лишь расспросить его о Шуй Цинлин, но если это он подделал предсмертную записку Лу Цифэна, дело принимало совсем иной оборот. Теперь Чжан Цзэ придется ответить на всё.

Едва взглянув на бумагу, Чжан Цзэ в ужасе отшвырнул ее, словно увидел ядовитую змею. Он обхватил голову руками, трясаясь всем телом:

— Я не знаю... Я ничего не знаю!